

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47).01

Оригинальное исследование

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-395-405

Славянская и древнерусская пехота VI–XI вв.: эволюция тактики и вооружения

Хлапонин А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: 999014@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье проанализированы сведения письменных источников и археологический материал по военному делу ранних славян и Древнерусского государства. Выделено 3 ключевых периода в развитии тактики и «матчасти»: конец V – середина VI века, период легкой конницы и легкой пехоты; вторая половина VI – середина IX века, оформляются профессиональные дружинные контингенты, востребованные и в качестве наемников. Третий период – вторая половина IX–XI века – для восточных славян знаменуется влиянием варягов, которые изменяют баланс сил и позволяют контролировать торговые пути и сформировать государство.

Ключевые слова: славяне, история военного дела, пехота, Раннее Средневековье, вооружение, тактика

Для цитирования: Хлапонин А.В. 2023. Славянская и древнерусская пехота VI–XI вв.: эволюция тактики и вооружения. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 395–405. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-395-405

Slavic and Ancient Russian Infantry of the VI–XI Centuries: the Evolution of Tactics and Weapons

Andrey V. Khlaponin

Belgorod National Research University,

85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

Email: 999014@bsu.edu.ru

Abstract. This article analyzes information from written sources and archaeological material on the military affairs of the Early Medieval Slavs and the Ancient Russian state. There are 3 periods in the development of tactics and arms: the end of the V – the middle of the VI century, the period of light cavalry and light infantry, the period of raids on Byzantium; the second half of the VI – the middle of the IX century, the Slavs move from raids to the conquest of the Balkans, at the same time professional militia contingents are formed. Slavs used armor, bladed weapons, compound bows. During this period, the states and proto-states of the southern and Western Slavs were formed. The third period – the second half of the IX–XI century is marked by Varangian influence. Scandinavian detachments are changing the balance of power on the territory of the future Old Russian state, which will allow straddling trade routes and accelerate the process of politogenesis.

Keywords: Slavs, history of military affairs, infantry, Early Middle Ages, weapons, tactics

For citation: Khlaponin A.V. 2023. Slavic and Ancient Russian Infantry of the VI–XI Centuries: the Evolution of Tactics and Weapons. *Via in tempore. History. Political science*, 50 (2): 395–405 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-395-405

Введение

В изучении военного дела славян Раннего Средневековья наметились некоторые традиционные постулаты, которые с незначительными коррективами дублируются из исследования в исследование со времен XIX столетия. Так, в историографии данной проблемы ученые условно выделяют доваряжский и варяжский периоды в развитии военного дела, отмечая бедность оружейной матчасти ранних славян и новаторство варягов, принесших тяжелое вооружение и традицию ведения ближнего боя в плотных пехотных построениях. Доваряжский период, ссылаясь на письменные источники, традиционно описывают как «эпоху» легкой пехоты с дротиками, которая полевых сражений избегает, организации и строя не знает, предпочитает нападать из засад и воевать на пересеченной местности. Однако и наши представления о письменных источниках, и данные археологии существенно меняются, что должно способствовать формированию новых представлений о военном деле раннесредневековых славян.

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования является славянская и древнерусская пехота эпохи Раннего Средневековья. Нашей задачей было объяснить развитие вооружения и тактики пехоты этого периода с позиций материализма. В ходе исследования использовались диахронный, историко-генетический, историко-сравнительный методы исторического познания.

Результаты и их обсуждение

Военное дело славян VI – 1-й половины IX вв. в историографии традиционно описывается с опорой на письменные источники об экспансии славян на Балканы, их союзах и столкновениях с гуннами, готами, аварами, франками. Со времен XIX столетия вооружение и тактика славян описываются на основе ряда византийских источников. Исследователи рисуют картину массового применения метательных копий как основного или даже единственного оружия. Славянам приписывается ведение преимущественно «партизанской» войны с укрыванием на пересеченной местности и уходом от столкновений на открытых равнинных ландшафтах [Гейсман, 1893–1896; Разин, 1999; Нефедкин, 2003; Шувалов, 2004].

В основном подобное описание вооружения и тактики подкрепляется ссылками на «Стратегикон» (псевдо) Маврикия – своего рода «полевой устав», наставление для византийских полководцев по борьбе с различными народами, в т. ч. славянами.

«Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном строю не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают. Если же и приходится им отважиться при случае на сражение, они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, они стремительно нападают; если же нет, прекращают крик и, не стремясь испытать силу своих врагов в рукопашной схватке, убегают в леса, имея там большое преимущество, поскольку умеют сражаться подобающим образом в тесных местах», – дается в «Стратегиконе» исчерпывающая и безапелляционная оценка уровню военного дела славян [Маврикий, 2004, с. 190–191].

Со ссылками на этот хрестоматийный труд, написанный на рубеже VI–VII столетий, славян описывают как слабовооруженных, «невоинственных» людей, которые избегают ближнего боя, строя не знают, забрасывают врага стрелами и дротиками, после чего могут

имитировать атаку и либо громят дрогнувшего неприятеля, либо отступают, если он не поддался «психической атаке».

Однако при более внимательном изучении корпуса византийских источников мы можем обнаружить странное противоречие: при общей характеристике военного дела славян ромеи описывают их в духе вышеописанного «канона», но, когда дело доходит до упоминания конкретных перипетий вторжения славян в Византию, картина рисуется несколько иная.

«Вступая же в битву, большинство идет на врагов пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают; некоторые же не имеют [на себе] ни хитона, ни [грубого] плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срамные части, так и вступают в схватку с врагами», – описывает вооружение и защитное снаряжение славян Прокопий Кесарийский [Прокопий, 1994, с. 185].

Подобный текст в целом соответствует тенденции в описании экипировки славянских воинов, однако все тот же Прокопий описывает, как в Италии в «узком месте» 300 антов и вспомогательные отряды крестьян сражались с войском под предводительством готов, «опрокинули врагов и произошло великое их избиение» [Прокопий, 1994, с. 187].

То есть византийский автор приписывает не знающим доспехов антам воинскую доблесть и стойкость, недвусмысленно приравненную к спартанской. Далее, при описании вторжения славян через Дунай в 547 году, историк указывает на многочисленность и силу их войска, которое смогло «овладеть там и многими крепостями, считавшимися раньше надежными» [Прокопий, 1994, с. 189].

Блокирование, осада, а уж тем более взятие крепостей штурмом – это серьезнейший комплекс инженерно-фортификационных мероприятий, который прямо противоречит сюжету о неорганизованной толпе с дротиками без представлений о строе, дисциплине и следовании общему плану. Тем более в пользу силы и организованности войска славян говорит упоминание 15-тысячного войска архонтов Византии, которые лишь преследовали вторгнувшегося врага, но не решились или не смогли навязать ему сражение. Очевидно, что даже более многочисленное скопление метателей дротиков не могло представлять столь серьезную угрозу для византийского войска, которое в этот период включало и тяжелую пехоту, и застрельщиков, и конницу, как легкую, так и тяжелую [Банников, Морозов, 2013].

Византийский книжник упоминает и ряд других событий, которые характеризуют славян как исключительно боеспособных воинов, – описывает, как склавины на службе у Византии добыли «языка» для полководца Велизария [Прокопий, 1994]. Отдельного внимания заслуживает эпизод с Хильбудием – римским военачальником, о существовании которого упоминает только Прокопий.

Хильбудий был приближенным Юстиниана, назначенным на должность магистра во Фракии. На протяжении трех лет (видимо, с 530 по 533 год) полководец успешно сдерживал натиск славян и гуннов, ходил через Дунай в карательные экспедиции, пока одна из них не закончилась разгромом войска и гибелью полководца [Прокопий, 1994]. Никаких подробностей византийский книжник не приводит, однако очевидно, что практически полное уничтожение даже «малого войска» предполагает, что славяне дали полевое сражение, возможно, устроили засаду. Но, так или иначе, подобный результат невозможен при тактике, описанной в «Стратегиконе» и вторящих ему источниках.

Описывает Прокопий и вторжение славян начала 550-х годов (причем упоминает именно «склавинов» как самостоятельную силу, а не чьих-либо союзников). Славянское войско в три тысячи человек разделяется на две части, в сражениях разбивают войска архонтов Фракии и Иллирии, вновь берут ряд крепостей, в полевом сражении уничтожают войско во главе с телохранителем императора Асвадом. Историк упоминает, что войско Асвада включало «многочисленные и отборные» отряды конницы. С учетом того, что византийская армия этого периода в самом деле обладала конницей, как легкой, зачастую

сформированной из наемных кочевников, так и тяжелой – знаменитыми катафрактариями, возникает закономерный вопрос: каким образом состоящее из легкой пехоты, слабоорганизованное войско может не просто противостоять подобной силе, но и одерживать верх?

К счастью, помимо письменных источников, в нашем распоряжении имеются данные археологии. Так, исследователь эпохи великого переселения народов и Раннего Средневековья в целом Михаил Михайлович Казанский в своих исследованиях обобщает сведения о находках оружия на территориях расселения славян в V–VII столетиях. Ученый отмечает распространение в культурном слое славянских памятников элементов конной упряжи, роговых накладок лука, наконечников стрел, топориков-чеканов [Казанский, 2019b]. То есть у нас есть основания утверждать, что наряду с легкой пехотой, метателями дротиков, натиск на Византию в VI–VII веках осуществляла еще и легкая конница, вооруженная сложносоставными луками.

Наличие как минимум двух «родов войск» уже позволяет говорить об определенных возможностях тактического взаимодействия. К примеру, легкая конница способна своими маневрами и обстрелом неприятеля из луков увести с поля боя его конницу, чередуя обстрелы и отступления «в парфянском стиле». Легкая конница может спровоцировать атаку противника, подведя его под шквал дротиков и стрел, метаемых пехотой. Наконец, наличие конницы позволяет решить вопросы разведки, конные разъезды не позволят застигнуть войско врасплох, могут ввести врага в заблуждение относительно направления основного удара, что особенно важно для успеха грабительских походов.

Вместе с тем стоит дать взвешенную оценку феномену вооруженной дротиками легкой пехоты. На наш взгляд, мнение о второстепенности, вспомогательном характере вооруженных дротиками воинов не вполне соответствует действительности. Общеизвестно, что знаменитые римские легионы, костяком которых была тяжелая пехота, тем не менее массово вооружались метательными копьями – пилумами. Забрасывание врага дротиками позволяло нанести противнику потери, а также повредить щиты, что предreshало исход последующего ближнего боя. Более того, римляне широко применяли легкую пехоту, на отряды которой возлагались исключительно задачи обстрела неприятеля. А по мере того, как Рим сталкивался с новыми врагами и новыми вызовами, возрастала потребность в увеличении доли войск с метательным оружием, тенденция эта намечается еще в I столетии до н. э. [Банников, 2015].

Более того, в римской армии, которая была «законодательницей мод» своего времени, метательное оружие активно совершенствовалось, на смену пилуму со временем приходят плумбаты или мартиобабулы («марсовы шипы») – более короткие специфические дротики, которые каждый воин носил уже несколько, в отличие от пилума [Банников, Морозов, 2013].

Очевидно, что метательные копья являются эффективным оружием, особенно в случае массового применения, которое обеспечивает массивный и плотный обстрел. Град дротиков был способен раскалывать щиты, ранить и убивать воинов, разрушая их боевые порядки. При этом стоит отметить, что наконечник копья и наконечник дротика практически во всех культурах имеют сходные формы, различаются они лишь в размере, причем не всегда можно провести четкую грань между еще метательным копьем и уже копьем ближнего боя. Решающим фактором здесь является скорее длина древка, но, по понятным причинам, археология не может дать однозначного ответа на вопрос о длине древка у славянского дротика, а письменные данные не достаточно полны.

Наконец, никакого унифицированного, приведенного к некоему ГОСТу дротика у раннесредневековых славян существовать не могло, габариты оружия у каждого воина могли быть индивидуальными, зависящими от конкретных задач, предпочтений и габаритов самого владельца. Военный историк П.В. Шувалов, а вслед за ним А.К. Нефедкин на основе византийских источников приводят длину дротика в 120 см [Нефедкин, 2003]. Даже если согласиться, что в среднем примерно такими были «лонхидии» славян, это ору-

жие при необходимости уже можно использовать в ближнем бою, ровно также и копье для ближнего боя в критической ситуации можно метнуть.

Нефедкин в статье «Тактика славян в VI в.» пытается реконструировать военное дело ранних славян, трактуя известное по письменным источникам наличие у воинов щитов следующим образом – у условно первой «шеренги» славянской пехоты были щиты, а стоящие в глубине этого разреженного строя (по мнению исследователя, щиты не образовывали сомкнутую линию) воины укрывались от неприятельского метательного оружия за щитоносцами. По всей видимости, подобная формация позволяла забрасывать врага копьями, кроме того, отдельные воины могли покидать строй и метать дротики, выбегая вперед [Нефедкин, 2003].

Хотелось бы высказать некоторый скептицизм относительно подобного видения военного дела. Стрельба из лука на поле боя предполагает массовое выпускание стрел по навесной траектории. При «разреженном» построении даже сам щитоносец от града стрел может быть сколько-нибудь защищен лишь при условии «лобового» обстрела. Обстрел с флангов уже может быть чреват фатальными последствиями, повторимся, даже для самого щитоносца. А уж стоящие позади него воины и подавно от навесного обстрела не будут никоим образом защищены. Стоит также добавить, что не только стрелы, но и дротики можно метать по навесной траектории, что также повышает уязвимость пехоты.

Для противостояния массивированному обстрелу, очевидно, можно использовать либо максимально разреженный, шахматный строй, в котором нет места щитоносцам с «крепкими, но труднопереносимыми щитами, либо сомкнутое построение, обеспечивающее надежное прикрытие, но ограничивающее возможности для собственного применения метательного оружия (вероятно, метать копья в этом случае будет передняя шеренга). Вероятно, оба тактических построения могли применяться славянами, однако описанный исследователем усредненный вариант, по нашему мнению, не имеет военно-тактического смысла.

Наличие же у славян неких щитов, больших и малых, широкое применение древкового оружия делают возможным и массовое участие в ближнем бою, тем более что сами византийцы упоминают атаки славян на дезорганизованного обстрелом противника.

В пользу «исторической реабилитации» якобы не умеющих воевать славян говорит уже упомянутый выше факт того, что сами византийцы используют славянских наемников. Равно как и эффективность экспансии славян на Балканы доказывает нам, что славянское войско отнюдь не было слабым или небоеспособным.

Таким образом, на основе свидетельств письменных источников мы можем судить о череде походов славян на Византию как успешном вторжении. Воюющая на несколько «фронтов», ослабленная империя оказалась не готова отразить натиск славянских племен. Очевидно, что успешные грабительские набеги, увод пленных привели, говоря языком классиков, к концентрации прибавочного продукта в славянских обществах.

Красноречиво пишет об этом Иоанн Эфесский: «И они обогатились и приобрели золото, и серебро, и табуны лошадей, и много оружия. И они выучились воевать лучше, чем ромеи, [они], люди простые, которые не осмеливались показаться из лесов и защищенных деревьями [мест] и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, а именно это – метательные копья» [Иоанн, 1994, с. 279]. Описание это относится к походу, который предприняли славяне «в третьем году... правления победительного Тиберия» – имеется в виду Тиберий II и, соответственно, 581 год.

Военные акции запустили процесс оформления воинской элиты, социальной прослойки, которая могла себе позволить отличное от большинства воинское снаряжение, а также заниматься войной на постоянной основе, что способствовало приобретению специфических, профессиональных навыков. Собственно, об этих изменениях и говорит Иоанн Эфесский, указывая, что в последней четверти VI века военное дело славян уже разительно отличается от хрестоматийного образа прячущихся в лесу варваров с дротиками. Отсюда же и упоминаемые византийцами славянские наемники, котировавшиеся в самой империи.

Относительно изменений, произошедших в военном деле славян в последней четверти VI столетия, показательным является и уже упомянутый выше «Стратегикон». Несмотря на общее описание славян как аморфного войска, не знающего строя и единого командования, автор при описании тактики набегов на славянские укрепленные поселения упоминает неких «наиболее подготовленных юношей», которые нападают на врага, и византийцы «оказываются не в состоянии причинить вред своим противникам» [Маврикий, 1994, С. 194].

Безотносительно вопроса авторства «Стратегикона», стоит признать, что написавший этот трактат человек явно разбирался в военном деле, весьма детально описал и тактику окружающих Византию народов и осветил вопросы организации и подготовки собственного войска. «Стратегикон» писался со знанием дела, человеком опытным в военных делах. Тем более интересно упоминание «наиболее подготовленных» славянских воинов – не является ли это историческим свидетельством того, что у славян рубежа VI–VII веков оформилась воинская прослойка, которая отличается от основной массы своими навыками, а также экипировкой и тактикой?

Мы полагаем, что здесь речь идет о группе воинов, которые сковывают силы врага в ближнем бою, имеют соответствующее этой цели оружие, именно поэтому (псевдо) Маврикий выделяет их из общей массы славянских воинов. Иными словами, в этот период уже можно говорить о существовании у славян профессиональных дружин, использующих защитное снаряжение и клинковое вооружение.

Неслучайно византийские источники второй половины VI–VII веков содержат упоминания об особенно ловких и имеющих привилегированный статус славянских воинах. Например, у Агафия Миренейского при описании ирано-византийской войны 541–562 годов упоминаются славянские полководцы «Усигард и Дабрагез» во главе отрядов византийской армии. В описании сражений есть любопытный эпизод: «И прежде чем они стали приближаться и прятаться [под «черепашу»], некто именем Сваруна, славянин, бросает копье в более уязвимого [из намеревавшихся спрятаться под «черепашу»] и поражает его насмерть» [Агафий, 1994, с. 297].

Разумеется, у нас нет сведений о расстоянии, на котором был выполнен бросок, однако общее представление о военном деле говорит нам о том, что метательное оружие со времен Античности применяется массово и для обстрела неприятельского строя. Способность воина Сваруна поразить одиночную цель точным броском – показатель незаурядных возможностей, выходящих за рамки массового уровня владения оружием.

Отдельного внимания заслуживают организационные возможности славянского войска, которое, по данным письменных источников, умело использует полевую фортификацию, владеет осадным искусством.

Показателен в этом отношении эпизод, описанный Фиофилактом Симокаттой, о нападении тысячи византийцев на 600 славян, возвращающихся домой с рабами и добычей в обозе. «Поскольку варвары не могли избежать столкновения, они устроили крепость из составленных повозок, в середине обвода поместив детей и женщин Ромен, приблизившись к гетам, таково древнее имя этих варваров, не решались сойтись с ними врукопашную: они боялись дротиков, которые варвары со своего укрепления метали в коней» [Феофилакт, 1995, с. 31].

Фактически славянские воины применили вагенбург – полевое укрепление из повозок, которое при массовом применении оружия дальнего боя позволило отразить натиск византийской кавалерии. В конечном счете византийцы спешили и лишь в ходе тяжелого штурма смогли захватить укрепление, пленников спасти, по свидетельству автора, не успели.

В «Чудесах Святого Дмитрия Солунского» упоминаются нападения славян на Фессалоники, защититься от которых якобы помог святой покровитель. Так, говорится о пятитысячном войске, внезапно подошедшем к стенам города и представлявшем собой «из-

бранный цвет всего народа славян». Византийцы вышли из города и дали полевое сражение, сумев отразить нападение. Интерес для нас представляет характер описания боя – прямым текстом говорится, что горожане вступили в ближний бой с «фалангой варваров» [ЧСД, 1995].

В описании второй осады, предпринятой в 617 году славянами и аварами, «ЧСД» упоминает многочисленную осадную «матчасть» – ограду из щитов, башни, подвижные галереи, камнеметы и тараны, а также почти увенчавшуюся успехом попытку вручную обрушить городскую стену [ЧСД, 1995].

Конечно, нельзя от религиозного текста ожидать достоверного описания, и это описание можно воспринять скептически. Однако совсем иным представляется текст «ЧСД» Собрании II, написанный, по-видимому, в 80-х – 90-х годах VII столетия. Пространность его изложения говорит о богатом источниковом материале, можно предположить, что анонимный книжник сам был свидетелем некоторых событий. Показателен в этом отношении тот факт, что в тексте вместо классических антов и склавинов упоминается длинный перечень славянских племен – «бесчисленное множество, состоявшее из дрогувитов, сагудатов, велегезитов, ваюнитов, верзитов и других народов [ЧСД, 1995, с. 125].

Для нас этот источник интересен описаниями организации осады – славяне используют лодки «моноксилы» для блокады города с моря, в то время как значительные силы окружают Фессалоники с суши. Автор утверждает, что на четвертый день осады славяне уже перешли к решительному штурму на суше и на море одновременно, причем пытались подавить защитников города обстрелом из камнеметов и тучей стрел. Крайне любопытно, что в описании совершенного святым чуда (якобы «варваров» объял ужас, флот пришел в расстройство и славяне сами себя перебили) говорится о применении славянами мечей против своих же соратников [ЧСД, 1995].

Как известно, меч является наиболее дорогостоящим, статусным предметом вооружения, требующим к тому же специфических навыков в обращении. Таким образом, перед нами свидетельство того, что у осаждавших Салоники славян в VII веке были профессиональные дружины.

Византийские письменные источники, даже при условии, что они практически синхронно указывают на изменения в развитии военного дела славян, можно было бы упрекнуть в некоей предвзятости, тенденциозности, а описание вооруженных мечами, знающих осадное дело славян списать на стремление преувеличить «варварскую угрозу». Не являются ли все приведенные выше описания «тучи стрел», камнеметов, грозных войск лишь письменным образом наподобие миллионной армии персов у Геродота?

Современные данные археологии говорят об обратном – науке известны находки элитного доспешного снаряжения, конской упряжи, клинкового оружия, обнаруженные в ареале распространения славянских археологических культур. Таковы, например, находки каркасных шлемов (т. н. шпангенхельмов) византийского типа на территории современной Брянской области [Казанский, 2019а].

У постзарубинецкой и киевской культур известны находки шпор, выполненных из цветных металлов и имеющих богатый орнамент. Широко известны элементы пластинчатого доспеха, найденные в Хотомельском городище, а также Картамышевский меч [Казанский, 2019а].

Таким образом, наличие воинской элиты у славян VI–VII веков подтверждается археологическим материалом. Возможную критику, связанную с относительной немногочисленностью находок элитного вооружения (в сравнении, например, с франками или скандинавами Раннего Средневековья), можно парировать двумя аргументами.

Во-первых, археологические раскопки на славянских поселениях и могильниках продолжаются из года в год, накопление новых находок лишь является вопросом времени, а попытки типологизировать известный археологический материал уже предпринимаются.

Во-вторых, богатство оружейных находок у ряда германских племен связано со спецификой представлений о загробной жизни и соответствующим погребальным обрядом. Сравнительная малочисленность находок у той или иной культуры отнюдь не указывает на ее пацифизм.

В противном случае в рядах не умеющих воевать «пацифистов» оказались бы, например, представители Черняховской археологической культуры, представленной относительно небольшим числом находок оружия, в особенности статусного [Магомедов, Левада, 1994]. Однако Черняховская культура исследователями ассоциируется с восточными готами – безжалостными завоевателями, наводившими ужас на Европу и в 410 году взявшими Рим. Очевидно, что было бы ошибкой буквально соотносить количество оружейных находок и уровень развития военного дела.

Для восточных славян важной вехой в развитии военного дела стал варяжский период. Традиционно в историографии сюжет о призвании варягов ассоциируется с ключевой точкой в процессе оформления Древнерусского государства, немаловажным аспектом политоге­неза было и военное дело. Однако что могли принести малочисленные скандинавские дружины (по-видимому, насчитывавшие несколько десятков воинов), если славяне уже имеют профессиональные дружины с элитным вооружением, институт княжеской власти и укрепленные поселения в качестве политических центров?

В период IX–XI веков на территории зарождающегося Древнерусского государства резко появляется и расцветает культура богатых воинских погребений с богатым инвентарем, в том числе широко представленным клинковым вооружением и защитной экипировкой [Кирпичников, 1966].

В связи с этим возникает соблазн заявить, что скандинавские, варяжские воины вызвали некие кардинальные перемены в местном военном деле, даже отождествить появление кольчуг, шлемов, щитов с умбонами исключительно со скандинавским фактором.

Но, как уже говорилось ранее, находки защитной экипировки на территории славянских памятников известны. Общее же количество находок оружия не всегда коррелируется с уровнем развития и распространенности военного дела, находки в погребениях, которые составляют абсолютное большинство оружия IX–XI веков, являются лишь отражением особенностей погребального обряда, буквально переносить количество найденной «матчасти» на уровень военного дела было бы логической ошибкой. Развивая это заблуждение, можно прийти к выводу, что в XII–XIII веках древнерусское военное дело вновь приходит в упадок, поскольку количество воинских погребений снова сокращается (на деле это связано с христианизацией и соответствующим изменением представлений о загробной жизни [Кирпичников, 1966].

На деле в варяжский период происходит появление «импортных», довольно немногочисленных отрядов тяжелой пехоты ближнего боя, которая сражается в сомкнутом строю, может перемещаться по морю или рекам, что значительно ускоряет нападение и повышает эффективность как набегов, так и полноценных завоеваний. При этом ни клинковое вооружение, ни доспехи варягов, очевидно, не были чем-то невероятным и сверхтехнологичным по меркам местного населения.

Мы полагаем, что внесенная варягами лепта в развитие военного дела состоит в изменении баланса сил, который со времен VI века описывался византийцами как «народовластие», «состояние анархии и взаимной вражды». Если между славянскими «суперсоюзами» идет перманентное противостояние, то, очевидно, множество примерно равных соперников друг друга уравнивает. В случае успешного грабительского похода или даже выигранного сражения едва ли у победившей стороны останется достаточно сил, чтобы захватить укрепленные поселения и удержать их во время набега со стороны других племенных коалиций.

Между тем вызревают экономические предпосылки к оформлению государства – необходимость контролировать торговые пути, постепенный рост интенсивности земле-

деля. Вероятно, скандинавские дружины способствовали разрыву «порочного круга», позволив от хаотичных взаимных набегов перейти к объединению. Вероятно, изменение баланса сил привело к изменению положения, при котором «земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет» [ПВЛ, 1950, с. 18].

Соответственно, в период второй половины IX–XI веков формирующееся Древнерусское государство располагает легкой пехотой, славянской и скандинавской пехотой ближнего боя. Возможно, имеются некоторые контингенты легкой конницы, в том числе финно-угорской. У ряда племенных объединений финно-угров, в частности, у мерян, наблюдается культ коня, широко распространены погребения людей с элементами лошадиного костяка и оружием – саблями, мечами, пиками, стрелами и дротиками [Белорыбкин, 2003].

Как уже говорилось ранее, славянам был известен сложносоставной лук с роговыми накладками, а как минимум с IX столетия этот технологичный вид метательного оружия становится господствующим, что подтверждается археологически [Медведев, 1966].

Попытка умозрительной реконструкции тактики древнерусского войска этого периода рисует нам следующую картину: легкая пехота в сочетании с легкой конницей забрасывает неприятельский строй градом стрел и дротиков, выбивая противников и раскалывая щиты. После этого «импортная» формация пехоты – стена щитов – вступала в ближний бой [Пенской, Щендрыгин, 2011].

Вероятно, в ближний бой вступали и славянские «наиболее подготовленные юноши», могла вступить в схватку и легкая пехота. Данная комбинация родов войск позволила объединить территории Древнерусского государства, добить Хазарский каганат, предпринять серию набегов на Византию и взять под контроль стратегические торговые пути.

Однако в дальнейшем, ввиду необходимости противостояния конным кочевникам, развитие военного дела на Руси пошло по пути профессиональных конных дружин, пехота же становится второстепенной и вспомогательной силой.

Заключение

Таким образом, в развитии пехоты славян и Древней Руси VI–XI вв. мы выделили 3 ключевых эволюционных этапа. Первый период очерчивается концом V – серединой VI века. Благодаря описаниям из византийских источников мы можем судить о славянах как преимущественно легкой пехоте и немногочисленной легкой коннице, осуществляющих грабительские набеги, порой дающих сражения и осаждающих города.

Со второй половины VI столетия можно говорить о завоевании Балкан славянами, византийские авторы отмечают появление качественно отличающихся контингентов войск, обогащение славян, усвоение ими искусства осады крепостей. Славянские профессиональные воины широко применяются Византией как наемники, известны археологические находки элитарного славянского вооружения, в том числе кавалерийского.

Третий период – вторая половина IX–XI века знаменуется варяжским влиянием. Скандинавские отряды изменяют баланс сил на территории будущего Древнерусского государства, перманентное противостояние славянских и финно-угорских обществ сменится объединением, запустится процесс политогенеза. Дальнейшее развитие военного дела будет связано с развитием профессиональной конницы.

Список литературы

- Банников А.В. 2015. Причины и характер изменений в римском вооружении I–III вв. н. э. В: Проблемы истории, филологии, культуры. 3: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 77–90.
- Банников А.В. Морозов, М.А. 2013. Византийская армия (IV–XII в.). СПб., ЕВРАЗИЯ, 688.

- Белорыбкин Г.Н. 2003. Западное Поволжье в Средние века. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет, 199.
- Гейсман П.А. 1893–1896. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века. Т. 1. СПб.: Тип. С.Н. Худекова, 170.
- Иоанн Эфесский. 1994. Церковная история. Пер. Н.И. Серикова. М., Восточная литература, 284.
- Казанский М.М. 2019. О военной организации славян в V–VII веках: вожди, профессиональные воины и археологические данные. *Stratum plus*. 5, Кишинев, Огнем и мечом, 15–28.
- Казанский М.М. 2019. Степные традиции в славянском вооружении и конском снаряжении в V–VII вв. В: Краткие сообщения института археологии. М., ИА РАН, 253–269.
- Кесарийский П. 1994. Тайная история. Пер. С.А. Иванова, Л.А. Гиндина, В.Л. Цымбурского. М., Восточная литература, 170–250.
- Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. 1. М., Наука, 189.
- Маврикий. 2004. Стратегикон. Пер. В.В. Кучмы. СПб., Алетейя, 64–232.
- Магомедов Б.В., Левада М.Е. 1994. Оружие Черняховской культуры. В: Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, Таврия, 304–323.
- Медведев А.Ф. 1966. Луки и стрелы, самострелы. М., Наука, 154.
- Миренейский А. 1994. История. Пер. И.А. Левинская, С.Р. Тохтасьев. М., Восточная литература, 311.
- Нефёдкин А.К. 2003. Тактика славян в VI в. (по свидетельствам ранневизантийских авторов). *Византийский временник*. 62. М., ИА РАН, (87): 79–91.
- Пенской В.В., Щендрыгин А.Н. 2011. Тактика ранних славян и «Стена» Святослава в «Истории» Льва Диакона (к проблеме военно-технической революции в Восточной Европе в IX в. и образования древнерусского государства). *Via in tempore. История. Политология*, 1. 124–130.
- Лихачев Д.С., Романов Б.А. 1950. «Повесть временных лет». Ч. 1. М-Л.: Издательство АН СССР, 504.
- Разин Е.А. 1999. История военного искусства. СПб., Полигон. 655.
- Симокатта Ф. 1995. История. Пер. С.А. Иванов. М., Восточная литература. 10–64.
- Чудеса святого Дмитрия Солунского. 1995. Пер. О.В. Иванова. М., Восточная литература. 91–211.
- Шувалов П.В. 2004. Оружие ранних славян. Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье: Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова: 254–264.

References

- Bannikov A.V. 2015. Prichiny i kharakter izmeneniy v rimskom vooruzhenii I–III vv. n. e. [The causes and nature of changes in the Roman armament of the I–III centuries A.D.]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 3: Magnitogorskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet im. G.I. Nosova, 77–90 (in Russian).
- Bannikov A.V., Morozov, M.A. 2013. Vizantiyskaya armiya (IV–XII v.) [The Byzantine Army IV–XII]. SPb., EVRAZIYa, 688 (in Russian).
- Belorybkin G.N. 2003. Zapadnoe Povolzh'e v Srednie veka [Western Volga Region in the Middle Ages]. Penza: Penzenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 199 (in Russian).
- Geysman P.A. 1893–1896. Kratkiy kurs istorii voennogo iskusstva v srednie i novye veka [A short course in the history of military art in the Middle and New Centuries]. Т. 1. SPb.: Тип. S.N. Khudekova, 170.
- Ioann Efesskiy. 1994. Tserkovnaya istoriya [Church history]. Per. N.I. Serikova. M., Vostochnaya literatura, 284 (in Russian).
- Kazanskiy M.M. 2019. O voennoy organizatsii slavyan v V–VII vekakh: vozhd'i, professional'nye voiny i arkheologicheskie dannye [About the military organization of the Slavs in the V–VII centuries: leaders, professional warriors and archaeological data]. *Stratum plus*. 5, Kishinev, Ognem i mehom, 15–28 (in Russian).
- Kazanskiy M.M. 2019. Stepnye traditsii v slavyanskom vooruzhenii i konskom snaryazhenii v V–VII vv. [Steppe traditions in Slavic armament and horse equipment in the V–VII centuries]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii*. M., IA RAN, 253–269 (in Russian).

- Kesariyskiy P. 1994. Taynaya istoriya [The Secret History]. Per. S.A. Ivanova, L.A. Gindina, V.L. Tsymburskogo. M., Vostochnaya literatura, 170–250 (in Russian).
- Kirpichnikov A.N. 1966. Drevnerusskoe oruzhie [Ancient Russian weapons]. 1. M., Nauka, 189 (in Russian).
- Mavrikiy. 2004. Strategikon. Per. V.V. Kuchmy. SPb., Aleteyya, 64–232 (in Russian).
- Magomedov B.V., Levada M.E. 1994. Oruzhie Chernyakhovskoy kul'tury [Weapons of the Chernyakhovsky culture]. Vizantiya i narody Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya v rannee srednevekov'e (IV–IX vv.). Simferopol', Tavriya, 304–323 (in Russian).
- Medvedev A.F. 1966. Luki i strely, samostrely [Bows, arrows and crossbows]. M., Nauka, 154 (in Russian).
- Mireneyskiy A. 1994. Istoriya [History]. Per. I.A. Levinskaya, S.R. Tokhtas'ev. M., Vostochnaya literatura, 311 (in Russian).
- Nefedkin A.K. 2003. Taktika slavyan v VI v. (po svidetel'stvam rannevizantiyskikh avtorov) [Tactics of the Slavs in the VI century (according to early Byzantine authors)]. Vizantiyskiy vremennik. 62. M., IA RAN, (87): 79–91 (in Russian).
- Penskiy V.V., Shchendrygin A.N. 2011. Taktika rannikh slavyan i «Stena» Svyatoslava v «Istorii» L'va Diakona (k probleme voenno-tekhnicheskoy revolyutsii v Vostochnoy Evrope v IX v. i obrazovaniya drevnerusskogo gosudarstva) [Tactics of the early Slavs and the "Wall" of Svyatoslav in the "History" of Leo the Deacon (on the problem of the military-technical revolution in Eastern Europe in the IX centuries and the formation of the Ancient Russian state)]. Via in tempore. Istoriya. Politologiya, 1. 124–130.
- Likhachev D.S., Romanov B.A. 1950. «Povest' vremennykh let» [The Tale of Bygone Years]. Ch. 1. M-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 504 (in Russian).
- Razin E.A. 1999. Istoriya voennogo iskusstva [History of military art]. SPb., Poligon. 655 (in Russian).
- Simokatta F. 1995. Istoriya [Hystory]. Per. S.A. Ivanov. M., Vostochnaya literatura. 10–64 (in Russian).
- Chudesa svyatogo Dmitriya Solunskogo [Miracles of St. Demetrius of Thessalonica]. 1995. Per. O.V. Ivanova. M., Vostochnaya literatura. 91–211 (in Russian).
- Shuvalov P.V. 2004. Oruzhie rannikh slavyan [Weapons of the early Slavs]. Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'e: Doklady nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu so dnya rozhdeniya E.A. Goryunova: 254–264 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.05.2023

Received 21.05.2023

Поступила после рецензирования 01.06.2023

Revised 01.06.2023

Принята к публикации 01.06.2023

Accepted 01.06.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хлапонин Андрей Вячеславич, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Andrey V. Khlaponin, Postgraduate student of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0000-8049-2823](https://orcid.org/0009-0000-8049-2823)